

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ ¹⁾).

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Въ теперешнихъ воспоминаніяхъ, больше всего у насъ держится въ памяти то удовольствіе, которое мы всѣ, юнкера, испытывали послѣ нѣсколькихъ недѣль слушанья лекцій, читавшихся для насъ профессорами Московскаго университета. Тогда же на первыхъ порахъ между нами ходило много разказовъ о томъ, что Б. А. Шванебахъ, не устанно сновавшій по корридорамъ училища и не пропускавшій случая поговорить со встрѣчавшимися ему юнкерами, на вопросъ, который онъ задавалъ, то одному, то другому изъ нихъ,—довольны ли пребываніемъ въ заведеніи, получалъ отъ нихъ почти всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ, точно отъ сговорившихся: да, очень довольны, не находятъ словъ благодарить за лекціи, кои намъ читаются въ аудиторіи.

— Ну, слава Богу, отвѣчалъ Б. А., изъ этого я вижу, что Николай Васильевичъ Исаковъ очень кстати затѣялъ это дѣло и провелъ его для насъ; не имѣй онъ добрыхъ отношеній съ университетомъ, не сохрани ихъ и не позаботься о томъ, чтобы намъ подарить эти лекціи, никогда намъ не посчастливилось бы такъ въ этомъ отношеніи, не довелось бы послушать первыхъ и лучшихъ профессоровъ нынѣшняго времени;—въ добрый часъ, будемъ продолжать поучаться, добавлялъ при этомъ Б. А.

* * *

Николай Васильевичъ Исаковъ, въ то время (1863 г.) свиты Его Величества генералъ-маіоръ, занималъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ 1840-мъ году онъ окончилъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ апрѣль 1914 г.

курсъ ученя въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры въ одну изъ батарей полевой конной артиллеріи. По своему семейному положенію онъ, съ первыхъ дней своей службы, сталъ извѣстенъ Государю Императору Николаю Павловичу, находился вообще на виду и вскорѣ послѣ выпуска изъ Николаевской военной академіи, курсъ которой окончилъ въ первые же годы пребыванія въ офицерскихъ чинахъ,—былъ отличенъ назначеніемъ въ званіе флигель-адъютанта.

Послѣ исполненія различныхъ должностей въ штабахъ, онъ вообще обращалъ на себя вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ по службѣ и, какъ выдѣлявшійся офицеръ, скоро былъ переведенъ въ свиту Государя. Здѣсь онъ былъ застигнутъ временемъ отпращиванія Его Величества въ венгерскую 1849 года кампанію, во время которой Государь призналъ необходимымъ находиться при арміи, когда Россія, по его державному велѣнію, взялась отстоять отъ захвата возставшей Венгріей престолъ юнаго австрійскаго императора Франца-Иосифа,—нынѣ, на закатѣ дней своихъ, уже не въ первый разъ поражающаго весь міръ самою черною неблагодарностью противъ Россіи, облагодѣтельствовавшей его, очевидно не въ добрый часъ совершенно не кстати. Молодой флигель адъютантъ Н. В. Исаковъ былъ взятъ на театръ военныхъ дѣйствій; тамъ былъ волею Царя отправляемъ въ разныя командировки, въ которыхъ точностью, исполнительностью, здравостью сужденій и умѣлостью своего обращенія снискалъ особое къ себѣ расположеніе Государя.

Къ времени вступленія на престолъ Государя Александра Николаевича, онъ уже, по своему старшинству въ чинахъ, подошелъ къ чину генераль-маіора, въ каковой и былъ произведенъ въ день коронаціи 26 августа 1856 года, а затѣмъ, въ 1859 году, по указанію министра народн. просв. Евграфа Петровича Ковалевскаго, призванъ былъ въ должность попечителя Московскаго учебнаго округа ¹⁾.

Въ 1862 году Государь намѣтилъ его къ назначенію на постъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ должность, которую въ моментъ кончины Императора Николая I занималъ Государь, будучи Наслѣдникомъ, а впослѣдствіи занялъ ген.-ад. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Передавая эту должность генералу Исакову, Государь на

¹⁾ Е. П. Ковалевскій былъ призванъ на постъ министра въ 1859 году; ранѣе онъ состоялъ попечителемъ Моск. учебн. округа и только-что успѣлъ быть замѣщенъ Бахметевымъ, на мѣсто котораго и указалъ П. В. Исакова.

него возложилъ исполненіе преобразованія военно-учебныхъ заведеній не безъ того, что въ назначеніяхъ Н. В. Исакова игралъ роль Я. И. Ростовцевъ при своей жизни. Извѣстно, что Яковъ Ивановичъ между прочимъ занималъ до самой своей кончины должность члена главнаго правленія училищъ при министрѣ народнаго просвѣщенія, какъ во времена А. С. Норова, такъ и подъ предсѣдательствомъ его преемника Е. П. Ковалевскаго;—въ этой должности онъ много потрудился вмѣстѣ со своимъ сочленомъ ген.-ад. П. Н. Игнатьевымъ; оба они хорошо знали и не мало отличали молодого Н. В. Исакова.

Такъ со словъ Б. А. Шванебаха всѣ мы и знали, что Ник. Вас. Исакову были мы обязаны полученіемъ возможности слушать по нѣкоторымъ наукамъ лекціи профессоровъ высшаго учебнаго заведенія,—Московского университета.

Въ 1866 году я былъ произведенъ въ офицеры. Лѣтъ черезъ двѣнадцать,—вскорѣ послѣ войны 187¹/₈ годовъ, случилось мнѣ въ Петербургѣ заѣхать съ визитомъ къ знакомой дамѣ—вдовѣ штабсъ-ротмистра л. гв. конно-гренадерскаго полка Е. Н. Леонтьевой. Просидѣвъ съ полчаса, я уже собрался уходить, но услышалъ отъ нея до ласковости любезное приглашеніе подождать.

— Сейчасъ пріѣхалъ мой добрый знакомый—Ник. Вас. Исаковъ, я хочу васъ ему представить, сказала она.

Я приготовился начать свои возраженія, какъ вдругъ величественная, давно знакомая, красивая фигура генерала уже показалась на порогѣ.

— Зачѣмъ же представлять, сказалъ Ник. Вас., подходя къ ручкѣ красавицы Екатерины Николаевны,—мы съ капитаномъ давно знакомы и знакомы разносторонне: теперь познакомились по свитѣ, въ которой состоимъ сослуживцами, а были знакомы раньше,—съ тѣхъ поръ, какъ встрѣчались въ стѣнахъ Александровскаго военнаго училища,—обратился онъ ко мнѣ и очень любезно спросилъ:—вы помните ту нашу встрѣчу, когда отъ васъ я выслушалъ одинъ изъ первыхъ рапортовъ?

Дѣйствительно, въ первый годъ своей бытности юнкеромъ, я, будучи дежурнымъ по 3-ей ротѣ, раза два рапортовалъ ему, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, во время его наѣздовъ въ училище.

— Какъ же не помнить, сказалъ я. Генералъ Шванебахъ доложилъ вамъ тогда, какъ юнкера были довольны профессорскими лекціями, а также въ какой степени удачно и хорошо многіе изъ нихъ занимались записываніемъ за Соловьевымъ и за другими профессорами. Вы тогда со вниманіемъ разсмотрѣли

нѣкоторыя тетради и высказались о крайней полезности веденія тѣхъ записей; мы же считали себя безконечно обязанными вамъ за то, что вы устроили намъ эти лекціи...

— Это не я, нѣтъ, не я, вдругъ спѣшно перебилъ меня Н. В.; этимъ вы были всецѣло обязаны генералу Шванебаху.

— Какъ ген. Шванебаху? А онъ еще тогда намъ очень часто и опредѣленно указывалъ на васъ, а затѣмъ, не далѣе какъ третьяго дня, на очередномъ нашемъ товарищескомъ обѣдѣ, происходившемъ въ татарскомъ ресторанѣ, отъ начала до конца подтвердилъ, что именно вы затѣяли и устроили это дѣло, облагодѣтельствовавъ имъ насъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ сознаться, что самому мнѣ это и въ голову не пришло; правда, я очень обрадовался, когда генералъ (въ ту пору впрочемъ еще полковникъ) Шванебахъ, явившись однажды ко мнѣ, подалъ мнѣ эту мысль, а затѣмъ обстоятельно развилъ возможность и указалъ важность этого нововведенія. Я очень охотно взялся переговорить съ профессорами, но только при помощи его же, Б. А. Шванебаха, мнѣ удалось убѣдить ихъ въ возможности этого съ той стороны, что слушатели способны воспринять и усвоить лекціи... Вы знаете, что изъ восьми профессоровъ, къ которымъ я обратился съ просьбой,—двое или трое наотрѣзъ отказались, да такъ никогда и не дали своего согласія; они остались при твердомъ нежеланіи „метать бисеръ“. Не только большого, но громаднаго труда стоило Борису Антоновичу помочь мнѣ убѣдить тѣхъ, которые впоследствии снабжали васъ знаніями,—они сначала тоже упорно отказывались; онъ ихъ уговорилъ и привлекъ къ чтенію; въ этомъ его неисчерпаемая заслуга. А что онъ, какъ вы подчеркиваете, сваливаетъ на меня,—это его манера; въ этомъ отношеніи и Государь его прекрасно знаетъ: „во всемъ, по словамъ Шванебаха, заслуга Слуцкаго, Юшенова, Исакова и кого угодно, только не его; онъ самъ, Шванебахъ, ничего не сдѣлалъ“, говоритъ не рѣдко про него Государь. И еще у него есть привычка всегда во всемъ оправдать, защитить каждаго! Государь вспоминаетъ: случилось мнѣ противъ нѣкоторыхъ быть восстановленнымъ разными толками и слухами, доводившимися до меня, и только Шванебахъ, горячо отстаивая ихъ добрымъ словомъ, совершенно мирилъ меня съ ними. Всегда онъ за каждымъ найдетъ какую-либо заслугу; про себя ничего никогда не выставитъ; честь ему и слава, это рѣдко благородный начальникъ! такъ Государь высказывается о немъ при каждомъ удобномъ случаѣ...

Молчаливый, суровый Н. В. Исаковъ вообще казался намъ человѣкомъ не только въ высшей степени уравновѣженнымъ, но и во всемъ спокойнымъ до равнодушія. Я очень удивился сильной экспансивности, проявленной имъ въ томъ его со мной разговорѣ; нельзя было не приписать этого присутствію и вліянію такой красивой, обаятельной дамы, какою являлась Екатерина Николаевна. Кромѣ красоты, любезности и ласковости, она вообще проявляла массу жизненной опытности и знаній, которыхъ начиталась и набралась въ безконечныхъ заграничныхъ путешествіяхъ; она часто подолгу жила въ Испаніи, во Франціи и въ особенности въ Англіи.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, при ней находились двое сыновей, воспитывавшихся въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ; впоследствии они окончили курсъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и одинъ изъ нихъ получилъ большую извѣстность, сдѣлавшись правою рукою негуса Менелика II.

Кто не помнитъ Леонтьева, случайнаго абиссинскаго министра, игравшаго въ свое время видную роль!

Много носилась она со своими симпатичными сынками, сколько помнится, въ тотъ разъ она обратилась къ генералу Исакову относительно затрудненія, встрѣтившагося при переходѣ одного сына изъ класса въ классъ и просила назначить, — когда она могла бы къ нему, какъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, заѣхать; въ отвѣтъ на это онъ, по-рыцарски, самъ заѣхалъ ее навѣстить съ полнымъ желаніемъ выслушать ея просьбу.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ случилось, при свиданіи съ Борисомъ Антоновичемъ, сообщить ему о томъ, какъ рѣшительно и твердо Н. В. Исаковъ отказывается принять на себя приписываемое ему дѣло приглашенія профессоровъ; онъ сконфузился, разсмѣялся, однако, въ смущеніи, продолжалъ сваливать все на Ник. Васильевича.

* * *

Изъ числа профессоровъ, великодушно взявшихъ на себя чтеніе намъ лекцій, мы заранѣе были крайне заняты личностью Сергѣя Михайловича Соловьева, уже тогда представлявшаго собою знаменитость.

Въ частности мы, — бывшіе воспитанники 1-го и 2-го Московскихъ корпусовъ, интересовались имъ больше всего по той причинѣ, что учителя, преподававшіе у насъ русскую исторію,

между прочимъ Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій ¹⁾, бывшій ученикъ Соловьева,—много рассказывали намъ объ его научныхъ трудахъ, объ принятыхъ имъ методахъ преподаванія и о взглядахъ его на исторію, какъ науку. Мы уже знали, что С. М. Соловьевъ, съ 1851-го года, ежегодно издавая по одному тому своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, къ началу чтенія у насъ въ училищѣ лекцій, издалъ 12 томовъ и съ точною пунктуальностью, проявлявшеюся имъ всегда во всемъ,—аккуратно продолжалъ изъ года въ годъ издавать ихъ дальше. Мы также знали, что его преподаваніе и изученіе исторіи отнюдь не представляло собой простого перечисленія фактовъ исторіи или наименованія правителей странъ и главъ государствъ. Вообще мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали тогда же, изъ устъ самого Соловьева, услышать подведеніе подъ извѣстныя разсужденія всего того, что произошло въ нашемъ отечествѣ съ момента призыва нами Рюрика, Синеуса и Трувора. Поэтому мы приготовились все это слушать внимательно и слушали съ громаднымъ интересомъ его живое, нерѣдко поэтически излагавшееся, чтеніе. С. М. Соловьевъ читалъ намъ въ младшемъ классѣ курсъ новой всеобщей исторіи, а въ старшемъ—исторію Россіи,—все по установленной, утвержденной и извѣстной намъ программѣ.

С. М. Соловьеву шелъ въ то время сорокъ третій годъ. — Ничего не ожидая отъ Михаила Николаевича Капустина ²⁾, который долженъ былъ намъ читать „законовѣдѣніе“, мы вдругъ какъ-то особенно раскрыли на него свои глаза и отдали его персонѣ свои юныя мысли. Извѣстно, какой перечень законовъ, свода ихъ и законодательныхъ документовъ преподавался въ кадетскихъ корпусахъ по утвержденнымъ программамъ этого предмета. Мы ихъ слушали послѣдній годъ не съ особенно большимъ вниманіемъ, и нельзя сказать, чтобы наука эта была у насъ въ громадномъ фаворѣ.

Когда довелось намъ слушать чтеніе Капустина, признаться сказать, не всѣмъ изъ насъ было ясно и одинаково понятно,—какимъ образомъ и для чего этотъ молодой тридцатипятилѣтній профессоръ, при чтеніи этой науки, вклеилъ въ нее и съ нею сдѣлалъ массу именъ ученыхъ,—экономистовъ, социаль-

¹⁾ Впослѣдствіи видный профессоръ Казанскаго университета, а затѣмъ директоръ Ярославскаго Демидовскаго лицея.

²⁾ Впослѣдствіи онъ преподавалъ законовѣдѣніе Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу—нынѣ благополучно царствующему Государю Императору.

ныхъ реформаторовъ, энциклопедистовъ, позитивистовъ, философовъ. Однако мы ими сразу сильно заинтересовались. Казенная программа была отброшена въ сторону, а на составленномъ, вѣроятно съ одобренія высшей военной власти, профессоромъ Капустинымъ программномъ листкѣ, по которому мы были обязаны отвѣчать на репетиціяхъ и особенно на экзаменахъ, рябили дотолѣ незнакомыя намъ имена: родоначальника сенъсимонизма—Сенъ-Симона, его ученика Огюста Конта, Фурье, Оуэна, Прудона, д'Аламбера и друг.

Если ученіе пныхъ изъ этихъ господъ не было для всѣхъ насъ тогда одинаково понятно, то весь характеръ и тонъ преподаванія о нихъ насъ тогда сразу крайне заинтересовалъ и увлекъ, онъ втягивалъ насъ въ улавливанье всевозможныхъ свѣдѣній; мы съ особымъ удовольствіемъ набирали ихъ изъ его мастерски составлявшихся и не менѣе искусно сообщавшихся намъ крайне интересныхъ лекцій.

Все наше начальство, въ перебой, пользовалось свободной минутой для посѣщенія лекцій этого профессора; Б. А. Шванебахъ нерѣдко на нихъ просиживалъ, а послѣ того старался вести съ нами бесѣды о пройденномъ, давалъ намъ не мало поясненій и еще больше развѣтывалъ предъ нами интересъ къ новой для насъ наукѣ. И онъ и другіе разспрашивали насъ,—насколько все это для насъ интересно и понятно; кромѣ того сами себѣ они задавали вопросъ,—дѣйствительно ли все слышанное нами приносило намъ ту пользу, которой несомнѣнно профессоръ ожидалъ, вводя эти знанія въ нашъ курсъ и выбирая ихъ изъ того, что онъ въ университетѣ преподавалъ въ читавшемся имъ тамъ курсѣ международнаго права.

Лекціи профессоровъ Бабста, — по статистикѣ и Лясковскаго—по химіи чрезвычайно привлекали наше вниманіе, — и какъ новыя для насъ науки, начинавшіяся нами съ этого класса, и какъ науки, читавшіяся намъ съ особымъ искусствомъ: Бабстъ вводилъ массу таблицъ и цифровыхъ данныхъ, неизвѣстныхъ намъ до того времени и съ новыхъ точекъ освѣщавшихъ разные факты и событія; Лясковскій же занималъ насъ крайне интересными химическими опытами и манипуляціями; и, если теперь иногда можетъ намъ казаться что онъ своими опытами дѣйствовалъ на насъ, какъ фокусами на дѣтей, то во всякомъ случаѣ тогда мы именно изъ-за этого чувствовали вовлеченіе себя этимъ самымъ въ болѣе серьезное усвоеніе преподававшагося намъ курса этой науки.

Надо помнить, что тѣ годы были годами особаго развитія

обѣихъ этихъ наукъ—статистики и химіи, каждая изъ нихъ, сама по себѣ, въ тѣ именно годы подвигалась усиленно впередъ ¹⁾).

Казалось намъ тогда, что жаль было того времени, которое доводилось нерѣдко тратить на слушаніе чтеній профессора Юркевича: онъ былъ, видимо, хорошій ученый, богатый даромъ слова, надѣленный вообще способностями, всѣ силы свои направлялъ къ тому, чтобы насъ своимъ чтеніемъ заинтересовать, но представлялось вполне яснымъ, что мы не доросли тогда до умѣнья вполне схватить положенія преподававшихся намъ этимъ профессоромъ наукъ—логики и психологіи; мы терялись въ разборѣ преподававшагося намъ въ нихъ матеріала и съ легкостью, быть можетъ въ нѣкоторой степени предсудительною, какъ бы успокоивались на томъ, что науки тѣ являлись крайне сухими.

Вообще же обо всѣхъ чтеніяхъ профессоровъ у насъ возбуждалось тогда очень много разнообразныхъ разговоровъ; они насъ непривычно оживили, заставивъ предаваться совершенно новымъ для насъ сужденіямъ и давъ пищу небывалому народненію того развитія, которое ясно показывало въ насъ усиленную работу мысли, а также возбужденіе большей и большей жажды знаній. Впечатлѣніе было такое, что весь нашъ кругозоръ съ теченіемъ времени быстро становился шире; массу сочиненій, мало доступныхъ нашему пониманію и даже вовсе непонимавшихся нами, стали мы прочитывать съ большою легкостью и съ полнымъ интересомъ,—пересказывали мы другъ другу прочитанное, торопились дѣлиться вновь пріобрѣтанными знаніями, съ жадностью схватывая отъ другихъ то, что они вычитывали и чѣмъ они могли съ нами дѣлиться.

Такимъ образомъ, не забывая совѣта Б. А. Шванебаха, мы больше и больше „поучались“, знаній набирались и благодарили судьбу, которая такъ щедро намъ все это послала. Все это мы очень цѣнили, а если о чемъ теперь приходится жалѣть, то лишь о томъ, что не такъ долго продолжалось это чтеніе такихъ „учителей“ (съ переходомъ черезъ два года въ Мих. артил. учил. мы этого лишились).

К. Андреевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Статистическіе конгрессы, теорія Кетле, нашъ центральный статистическій комитетъ, статистическій совѣтъ, работы К. Арсеньева, Бабста, Тройницкаго, А. Бушена. По химіи усиленные работы Менделѣева, Бутлерова, Попова (А. Н.) (Казань, Варшава).